

Ну и дела!

Ну как? Барсука раскопали?

Василий Кукушкин

– До лесхоза нашего, когда пойдёт снег, добираться весь день. Лесовозы так разделяют дорогу, что «уазик» ныряет по ней, как лодка по штормовой волне, – рассказывал мне Азамат, гордо поправляя тельняшку под толстовкой. – Год сегодня будет, как демобилизовался.

– Азамат, расскажи, как вы с Юлаем барсука добывали!

– А кто сказал?

– Юлай!

– Вот он пусть и рассказывает, – Азамат поперхнулся дымом сигареты и замахал руками.

Конец января. Бульдозер пробил дорогу к лесхозу после очередного снегопада, но рытвины от осенних дождей остались прямо на подъезде к лесхозу. Его директор сокрушался, что зима в этом году тёплая, морозов почти не было, и наставлял своего водителя Азамата, чтоб он не газовал по рытвинам: «УАЗ» и так то и дело сносит с дороги. До лесхоза добрались часам к двенадцати дня.

– Я в контору. Проведу политбеседу с десятниками, а ты давай к сторожу Юлаю. У него пообедает. Хлеба ему привезли – передай. И тушёнку, чай, – обратился директор к Азамату, соскакивая с «УАЗа», – Часам к трём дня назад тронемся.

Азамат подрулил к домику сторожа лесозаготовительного участка Юлая.

– Юлай, салам, отворяй ворота, прини-

май подарки – паёк на две недели! Ставь чай!

– Масалекум ассалам! – отвечал Юлай, принимая бумажные мешки от Азамата, – Заходи!

За чаем пошли разговоры. Юлай жаловался, что одному скучно, и по весне рванет в посёлок. Ему шёл уже сороковой год, а он всё с женой не расписался.

– Вот нору барсука на краю лесхоза в самых последних штабелях нашёл. Наверное, с осени, собака, посапывает. Ещё, видно, близко к входу лежит. Хочу выкопать. Поможешь? С меня пузырь, как барсука продам!

– А что копать?

– Да он совсем рядом к поверхности лежит – слышно, как сопит, – уговаривал Азамата Юлай, – За полчаса управимся. А если что, то барсучатина в посёлке мигом уйдет, только городским предложи, да и свои купят.

– Решено, копаем!

– Пару ломиков я уже подготовил, пару лопат, рукавицы.

Забросив ломики и лопаты на плечи, двинулись на край лесхоза. Когда проходили мимо пилорамы, их окликнули плотники.

– Вы куда с таким инструментом?

– Да барсука они пошли выкапывать, – бросил один из плотников.

– Потом поставите, если удачно! – крикнул другой им вслед.

– А... – махнул рукой Юлай, – вы план давайте!

Нора, как называл ее Юлай, оказалась в самом конце склада сырых брёвен, уже сложных лет пять назад, и ещё не поданных на разделку. Участок почти вплотную примыкал к лесу.

От норы, а она в диаметре была с полметра и занесена снегом, слегка поднимался пар.

– Вот, – ткнул в снег ломиком Юлай, – сейчас лопатами разбросаем снег, эти брёвна двинем, и там пойдёт!

Азамат приложил ухо к норе – там действительно что-то сопело и как будто дышало.

– Да он совсем рядом, – зашептал Азамат в ухо Юлаю, – я его сейчас ломиком огрею, придерживай мне ноги!

Немного разбросав снег от входа в нору, Азамат взял ломик, лег на живот и, сунув голову в расширившееся отверстие норы, начал шуровать там ломиком. Юлай сидел на его пятках, придерживая Азамата за ягодицы.

– Ррррр...! – грохнуло из глубины норы. Как Азамат перелетел через Юлая? Ни тот, ни другой не поняли.

– Ррррр...! – и из тёмного дупла норы высунулась огромная голова медведя.

– Вай.., вай!... – завопил Юлай и пополз задом прочь.

Азамат прыжком перелетел поленницу, сбросил ватник и, разбрасывая снег, падая и причитая «ой, ой, ой!», пробивался назад, буравя снег. К Юлаю вернулись силы, и он сначала ползком, потом привстав, кинулся за Азаматом. Оглядываться не стоило. Они на скорости пролетели мимо пилорамы так, что с настила от осадков, с края, на работающих плотников рухнул приличный ком снега.

Азамат целился к «уазу», лихорадочно вспоминая: «Где ключи от зажигания? Кажется, в кармашке солнцезащитного экрана? Вот, вот они, родимые!» Но по пасть в замок зажигания никак не мог, хотя лихорадочно тыкал по нему ключами. Его бил озноб от страха, в голове проносились рассказы лесорубов о том, как иногда медведи расправляются с людьми. Тут Азамат вдруг почувствовал на своих плечах тяжёлые лапы зверя и завопил во всё горло:

– Это не я... не я! Это не я... не я... придумал нору копать!

– За...а...а...води! – лязгал зубами Юлай, тряс Азамата за плечи.

Наконец «уазик» взревел и, выбросив из под колёс снег, рванул мимо конторы к выезду с территории лесхоза. На крыльцо выскочили директор и десятники. Директор почесал голову, покрутил пальцем у виска, молча глянул на десятников и вернулся в контору, не понимая, что произошло. «Уазик» ещё километра два с только ему присущим грохотом нырял, как на волнах, по снежным колодбинам зимней раскисшей дороги.

А из растревоженной норы выбрался здоровенный медведь. Он предупреждающе фырчал и, нахмутив брови, смотрел вслед удаляющемуся «уазу». За медведем из норы вынырнули один за другим два месячных почти плюшевых медвежонка. Медведица, а это была она, понюхала, злобно фыркая, брошенные любителями барсучатины инструменты. Рывнула в их сторону, лапой загнала медвежат назад и сама втиснулась в нору. Узнав про такое дело, работники лесхоза на тот участок не наведывались до самой поздней весны, да и делать там было нечего.

Весной однажды ночью медведи тихо покинули своё убежище, никому не сообщив об этом. Только Азамат ещё долго рассказывал, как они с Юлаем без ружья ходили к берлоге проверить, сколько там медведей. Но те, кто знал настоящее дело, при случае поддевали Азамата: «Ну как? Барсука раскопали?»

✍ Василий Кукушкин

Поэзия

У каждого своя дорога

**Не молод.
Я родился не вчера.
Но вдруг во мраке
опыта и знания
Проснётся
удивления искра.
Мой ключ
к сокровыям тайнам
мироздания!**

*С песней люди вершины штурмуют.
С песней люди идут на смерть.
Мне бы только одну такую
Не сложить, а хотя бы спеть!*

**Когда дурак командует умами,
Надутый спесью и смакуя власть,
Подумайте, вы покорились сами
Ничтожеству, унизившему вас!**

*Привычно уходя в экстаз творенья,
Источив душу рифмами, пока
Отыщешь ту, свою иголку в сене,
Хоть ими напшигваны стога.*

**В платье хрустальном невеста-луна
В мягкое облачко спрятала личико
Звёзды – жемчужины. И тишина...
А на душе и покою и величье.**

*Грязным отрпьем висят облака
Луна – как обмылок дешёвого мыла.
Знаю, минует, пройдёт, а пока
Душу – в кулак, чтобы волком не выла!*

**Вот улица. Люди спешат деловито.
Над грудой ящиков грузчик сердитый.
Глядит продавица в толпу шаловливо,
В витрине – конфеты и тёплое пиво.**

*Ручей привычно катится к реке.
Зачем? Ведь в ней и так воды без края!
Уйди под землю, чтоб ожить в цветке,
Иль в небо – в раскраску радуги играя!*

**У каждого своя дорога,
Свой первый шаг и свой итог.
Кому-то в небе видеть Бога,
Кому-то – под ногой плевков.
У каждого своя дорога...**

*Я один. А вокруг только горы.
Сосны, снег, чаша неба без дна.
На снегу птичьих лапок узоры,
И улада души – тишина!*

**Любовь. И всё сведётся к одному,
Что сердце рвётся к ней, не успокоясь;
К слиянью двух начал. И потому
В ней рабство есть и ненависть и совесть.**

*Уныл мой сад с мершими кустами.
Когда царит над ним морозный шквал.
Но воскресает вновь весенними цветами!
Нам, людям, эту участь Бог не дал.*

Воспоминание

Владимир Дубровский

Слова звучат светло

У него были большие планы, из которых самые простые – рыбалка, уха на костре, творчество – были почти недостижимы из-за дефицита времени.

Откуда было взяться свободному часу у заведующего отделением медицинской реабилитации горбольницы № 2 Владимира Дубровского? Служебные хлопоты заставляли многое из личного оставлять на потом. Он привык жить в напряжённом ритме – и когда школьником после уроков бежал в биокружок ухаживать за животными, и когда учился в медицинском, и когда работал в районной больнице, а потом учился в ординатуре. Вернувшись в Магнитку, несколько лет отдал работе в отделении сосудистой хирургии, воз-

главлял пансионат для пенсионеров в курортной поликлинике. Многие, кто после тяжёлых травм и болезни прошли реабилитационный курс под его врачебным попечительством, благодарны за восстановленное здоровье, за веру в их силы и излечение от отчаяния.

Всегда казалось, он ещё успеет пожить для себя. Недавняя смерть оборвала все замыслы – и по работе, и в личном. Уже не будут написаны стихи, рвущиеся прямо из души. Но те, что успели сложиться, полны радости бытия и доверия к существу. В стихотворных строках Владимир Дубровский предстаёт таким же, каким его запомнили друзья и пациенты, – лириком, философом, создателем с богатым внутренним миром и открытым сердцем. Сегодня, в день сороковин, они звучат особенно светло.

*Давай нальём янтарного вина,
Зажжём свечу и сядем у камина,
Поднимем тост:
«За то, что жизнь почти прошла.
Прошла, не пролетела
где-то мимо».*

*Мы знали всё –
И жаркий летний зной,
И грустное осеннее ненастье,
Нам много довелось
испытать с тобой,
Но в этом было
только наше счастье.*

*Мы донесли свой первый поцелуй
И трепет наших
радостных свиданий,
Пожар сердец
и страсть любовных струй,*

*И радость встреч,
и горечь расставаний.*

*Давай нальём янтарного вина,
Сожжём свечу и, сидя у камина,
Мы будем благодарны, что судьба
Любовью нас с тобой не обделила.*

*И всё-таки она до нас дошла,
Покрылись яркой зеленью газоны,
И первая пахучая листва
Раскрыла свои нежные ладони.*

*И чистоту небесной синевы
Нельзя сравнить ни с чем другим
на свете,
Короче ночи и длиннее дни,
И солнце ярче и светлее светит.*

*И снова лета торжество вокруг,
И снова буйство запахов и цвета,
И по спирали вверх, за кругом круг,
Взлёт –
обновленье свежести и света.*

*Мы все уходим в Высшие Миры,
Когда приходит время и прозренье,
Когда готовы и способны мы
Понять и воспринять их
как спасенье.*

*Вселенная немисливо сложна –
Миры, пространство, время,
бесконечность,
И только истина везде всего одна –
Любовь, Гармония и Вечность.*